

ЛитРес:

Победитель конкурса «ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СТРОК»

18+

TVARET

СЕРЕБРЯНЫЙ МИРАЖ

Иман Кальби

Иман Кальби
Туарег. Серебряный мираж
Серия «Женщина Туарега», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67292910

SelfPub; 2022

Аннотация

Если Вам понравилась трилогии «Она моя...» и «Одержимые наследники», эта новая драматичная история любви, страсти и соблазна о современном Ближнем Востоке определенно для Вас! Пустыня благословила их страсть. Пустыня прокляла их любовь. Теперь им с этим жить, каждому идя своим путем... Они думали, что их порочный секрет так и останется там, затерянным среди песков, как очередная легенда, которая то и дело оживает в великой Сахаре, подобно миражам. Вот только судьба решила иначе... Пленники запретной любви, пленники любовного треугольника, пленники традиций и условностей восточного общества, герои будут отчаянно искать свое счастье и место в таком притягательном и таком загадочном мире роскоши и запретов Востока...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Иман Кальби

Туарег. Серебряный мираж

ГЛАВА 1

Касабланка, Марокко

– Уважаемые студенты, у нас осталось не так много времени. Не хотелось бы задерживать нашего многоуважаемого лектора. Лекция и так продлилась уже на час дольше обозначенного времени. Вижу лес ваших рук, но все вопросы, очевидно, задать мы уже не успеем. Так что давайте, последние два – и отпустим почетную гостью, – твердым голосом обратилась к аудитории модератор, крепко сжимая в руках слегка фонивший микрофон.

Иштар понимающе улыбнулась залу, кивнув студентам, что все нормально, и она готова стоять здесь перед ними столько, сколько потребуется. К ажиотажу вокруг себя она привыкла. Красавица королевских кровей, дочь одного из правителей Объединенных Арабских Эмиратов, при этом платиновая блондинка... Этот уникальный цвет волос, как и точеную фигуру, она унаследовала от матери, русской девушки, некогда встретившейся на пути жесткого и мужественного, а в то время еще и до невозможности опасного Нуреддина ибн Шерифа Макдиси, впоследствии ставше-

го правителем созданного в результате политической сделки с Йеменом нового эмирата Химьярита[1]. Зато свою смуглую кожу, словно подсвеченную изнутри бронзовато– серебряным сиянием, и высокий рост она забрала от отца... Ее глаза– необычного, светло– песчаного цвета– были удивительной, экзотичной деталью, придававшей лицу еще больше загадочности и даже некой инопланетности. Сама Иштар говорила, что это древний джинн вдохнул в нее при рождении душу пустыни... Те, кто знал характер и пристрастия девушки, не смели с этим поспорить.

Пустыня влекла юную принцессу с раннего детства. Конечно, сказывался зов крови, проведенные в динамично развивающемся, но все же довольно традиционном Химьярите детские годы. Но все– таки в их семье особая связь с пустыней была именно у нее. Братья и сестры Иштар, тоже безмерно почитающие свои корни, способные, подобно предкам, уходить на верблюдах навстречу золотистым дюнам и вести по сути первобытный образ жизни, словно они не пресыщенные роскошью шейхи, окруженные всеми благами цивилизации, а суровые и выносливые аскеты– бедуины, все же не испытывали этой дикой тяги к песчаному морю, а просто отдавали дань традициям...

Иштар обожала не только свою родную, Аравийскую пустыню, в пески которой уходили раскидистые корни рода ее отца... Еще больше ее завораживала Сахара... Царица пустынь, подобно золотой короне, венчающая голову Афри-

канского континента, легендарного арабского «Магриба»— волшебного края золотого заката[2]... Самая большая, самая беспощадная и щедрая одновременно...

Поэтому когда пять лет назад девушка, только окончившая элитный английский колледж Бадминтон на отлично и поставленная перед жизненным выбором своей профессии, за семейным ужином твердо озвучила, что хотела бы посвятить себя научной деятельности, связанной с изучением феномена пустынь, ее флоры и фауны, никто даже не удивился и уж тем более не посмел хихикнуть или посмотреть в ее сторону скептически. Только не в их семье. Мать Иштар, Валерия, познакомилась с ее отцом, являясь членом экологической экспедиции, занимавшейся защитой синих китов в пределах маршрутов их естественной миграции. Став законной и единственной супругой шейха нового эмирата, Валерия продолжила свое дело. Более того, муж сам подарил своей королеве природоохранный центр, равного которому по значимости и оснащению не было во всем регионе. Поэтому даже вечно подтрунивающий над младшей сестрой Адам посмотрел на Иштар с уважением и пониманием. Кто— то в их семье должен был продолжить уважаемое дело матери. В свое время Валерия выбрала синее море. Что ж, Иштар предпочла море песчаное.

Отец выслушал решение дочери и молча кивнул. В отношении детей он был безотказным, но сдержанным... Старался проявлять нежность только в присутствии «своих лю-

дей»— членов семьи. Даже если рядом была прислуга, его лицо становилось непроницаемым, хоть горячие глаза и продолжали источать жар безграничного обожания и преданности их домашнему очагу и его обитателям.

Так Иштар начала осваивать удивительную, захватывающую профессию, дарящую ей столько нового... Она чувствовала себя то отважной Гертрудой Белл[3], то смелым Лоуренсом Аравийским[4], то даже Ларой Крофт[5]... Казалось, древний, малоизученный мир открывает перед ней свои непостижимые тайны, иногда она наивно уверялась в том, что уже так хорошо узнала секреты древних песков, что они ей теперь по колено, но... стоило только в очередной раз оказаться лицом к лицу перед бесконечностью извилистых хребтов дюн, все прочие эмоции отступали, оставляя место лишь одной— преклонению, восторгу и смирению... Ибо загадочная сущность пустыни не позволяла испытывать что— то другое всякому, кто осмеливался вступить на ее песчаный ковер... А если глупец по наивности и пытался восставать против этой затаившейся в многотысячелетнем грозном молчании стихии, то встречал самый решительный, безжалостный прием...

В свои двадцать три с небольшим Иштар достигла высот, немыслимых для научного сообщества. Завистники поговаривали, что за ее успехом стоит происхождение, деньги семьи и красивая, экзотическая внешность, но девушку мало интересовали кривотолки за спиной. Она давно при-

выкла к ним и воспринимала их как часть своей жизни... Сама она знала ответ на этот вопрос— постигать смысл пустыни она начала давно, еще в детстве, поэтому образование служило лишь инструментом, который обличал в форму то, что миражом еще тогда витало и клубилось в ее голове... «Выбери себе работу по душе— и тебе не придется работать»,— нетленные слова великого Конфуция, которого так любил ее дед, прославленный правитель Дубая Шериф Макдиси, основатель современного, процветающего государства, с детства отпечатались в ее разуме несмываемой татуировкой. Так и получилось. Иштар лавировала по изменчивым хребтам желтых песков, погружаясь в мир удивительных знаний и ярких открытий, росла профессионально, созидала— и наслаждалась... Британский и эмиратский физический географ, сверхштатный член Колледжа Св. Анны в Оксфорде, уникальный специалист по опустыниванию, песчаным бурям и редким подвидам флоры и фауны пустынь, она ездила по миру с лекциями и семинарами, издавала монографии и статьи. Слава Иштар была узкопрофильной. Ее знали в научных кругах, прежде всего, как специалиста, а не как принцессу. Мир науки был исключительно ее собственным пространством, созданным и завоеванным ею как личностью, а не как дочерью одного из самых влиятельных людей в регионе.

Иштар все еще была не замужем, что в глубине души ее, конечно же, радовало... Брак неизбежно внес бы существен-

ные коррективы в ее жизнь, а ее пока все устраивало. Отец не настаивал на выборе достойного спутника для дочери, но все же тактично прорабатывал возможные выгодные партии. Она спокойно и терпеливо относилась к этому, потому что так была воспитана... Потому что всецело доверяла воле мудрых родителей, понимала, что они помогут сделать лучший выбор, прислушиваясь к ее мнению и симпатиям, но все же в рамках традиций, обычаев и положения своей семьи, которым она по-человечески, без снобизма и заносчивости, гордилась, отдавая дань уважения предкам, сумевшим так многого добиться и так многое дать своей родине. Иштар относилась к своему будущему династическому браку как к ответственности, которую на нее налагает происхождение. И пусть ее характер часто напоминал бурю в пустыне, а душа внутри молила об анархии и свободе, она с лихвой выплескивала эти эмоции в своих опасных увлечениях и интересной, захватывающей работе.

— Итак, последний вопрос, из зала,— громко проскандировал модератор,— пожалуйста, девушка в первом ряду. Вы давно тянете руку.

«Госпожа Иштар, скажите пожалуйста, видели ли Вы когда-нибудь миражи в пустыне? Вы научный человек, но не было ли у Вас ощущения, что такое странное, сюрреалистичное явление— это все— таки потусторонняя сила, не подвластная нашему пониманию»?

Девушка улыбнулась своей идеальной улыбкой, понима-

уже кивнула.

– Пустыня— слишком сложный, загадочный и таинственный организм, чтобы пытаться объяснить его лишь законами физики и географии... Как и все в нашем мире, она пропитана своей энергетикой, столь сильной и древней, что едва ли человеческий разум может это постигнуть. Мы можем знакомиться с этим миром, можем пытаться стать его частью, подружиться со стихией, попроситься в ее сподвижники и союзники, но никогда не сможем постичь всех ее тайн... Наука не стоит на месте, туманы, застилающие Сахару, рассеиваются, завесы, скрывающие действительность, снимаются... И мы, современные ученые, уже отнюдь не так слепы и безоружны, как наши предшественники— Калье, Ленг, Барт, Дювери[6],— но стоит только хотя бы раз в жизни увидеть на танцующей линии горизонта, отделяющей голубое бескрайнее небо от вечных песков, мираж, все твои знания уступают место первобытным страху и восторгу. Вмиг появляется лишь одна истина— все мы— лишь творения Аллаха, весь наш путь— линия хребта дюны, прочерченная перстом Всевышнего, тот самый «мактуб», а пустыня— это вселенная, откуда все появляется и куда все уходит... Это начало и конец. Это пустота и наполненность. Это мы все... Вы, я... Это истина нашего бытия... Я горда выйти корнями из пустыни. Туда я и вернусь... Прах к праху... Частица к частице... Вот что для меня есть пустыня, а отнюдь не предмет научного изучения...

[1] Химьяритское царство— одно из древних государственных образований, существовавших на территории современного Йемена. Его создание и появление в составе современного ОАЭ— художественный вымысел.

[2] Магриб— арабское название Северной Африки. Дословный перевод слова— «место, где садится солнце, край заката».

[3] Гертруда Белл— британская писательница, путешественница, археолог и политик, посвятившая свою жизнь Ближнему Востоку.

[4] Лоуренс Томас Эдвард (Аравийский)— британский археолог, путешественник, военный, писатель и дипломат. Внес значительный вклад в победу арабского восстания, направленного против Османской империи

[5] Лара Крофт— главная героиня серии компьютерных игр, популярный персонаж комиксов, фильмов и мультсериала

[6] Знаменитые исследователи пустыни

ГЛАВА 2

Туарег вышел из палатки, поправляя черную экипировку, на ходу натягивая перчатки и балаклаву на густые, непослушные волосы цвета темного меда. Вдохнул полной грудью все еще пока свежий после холодной ночи воздух пустыни, который всего через пару часов накалится до палящего зноя. Поднял голову к небу— здесь оно всегда такое безукоризненно синее, лишь иногда украшенное белыми перьями облаков.

Люди не из этих мест часто сравнивают пустыню с морем, но Туарег всегда знал, что это сравнение неправильное... Только не для Сахары... Коренные обитатели этих древних земель— люди его народа— никогда не видели голубой глади большой воды, необъятной для человеческого взора и понимания. Единственной бесконечностью, с которой они могли сравнить пустыню, было небо... Так и мыслили они свое существование— между двух великих начал природы...

Никто не знал тайну появления племени туарегов среди древних песков Сахары. Часто голубоглазые, всегда светлокожие и высокие... Кто— то утверждал, что они есть потомки великих атлантов, оказавшихся волею случая в Африке тогда, когда их цивилизация ушла под воду. Кто— то искренне верил, что Аллах не нашел этому свободолюбивому, своему нравному, не признающему ни чью власть и не преклонив-

шему ни перед кем колено народу другого места, кроме безжизненной пустыни... Ибо туареги не видели в гордыне ни порока, ни греха... Так и отправил их сюда Всевышний вместе с таким же упертым, отверженным всеми животным— верблюдом... Сами имошаги— «вольный народ», как называли себя туареги на своем языке— тамашеке, были убеждены, что корни их идут от великой праматери и правительницы, царицы Сахары — Тин— Хинан, легендарной амазонки. Так или иначе, прасыны отважной воительницы не знали и не знают ни запретов, ни границ, ни смирения, ни покорности. Ни одному захватчику не покорились гордые сердца этого племени. Даже европейские колонизаторы, загнавшие под пяту рабства и колониализма всю Африку, не смогли подчинить «синих людей» или «людей покрывала», как еще называли туарегов, отдавая дань древней традиции мужчин этого народа закрывать лицо тагельсмутот цвета индиго— хлопковой тканью, пропитанной естественным красителем, который часто так глубоко проникал в кожные покровы его носящих, что придавал и коже синеватое сияние...

Туарег отогнал назойливую муху, нагло прилипшую к единственному небольшому открытому участку его тела— вырезу балаклавы вокруг глаз. Дернул рукой, пытаясь поправить концы тагельсмута, и только потом вспомнил, что его на нем нет... Эта привычка была машинальной. А он уже отвык ходить без покрывала на лице... Даже забавно... Умел он, конечно, растворяться в жизни пустыни.. Для него

она была не безжизненным прибежищем небытия, а самой жизнью... Ее пульсом, ее энергией... Хотелось быстрее сесть на мотоцикл и улететь вперед, навстречу танцующим дюнам, рассекая их мягкие, вечно движущиеся хребты и оставляя позади себя клубы песка, а с ними и тяжесть его реальной жизни, ее прозу и скуку. Он любил движение в пустыне, неважно, было ли оно на верблюде— мегари, самом быстром из всех разновидностей верблюдов, вороном скакуне, багги, квадроциклах, джипах или двухколесном транспорте.

— Туарег, начинаем через пятнадцать минут, ты готов?— обратился к задумавшемуся мужчине помощник Махмуд,— твой железный конь рычит, как зверь... Ждет своего наездника,— его глаза озарились озорным огоньком.

— Еще минуту. Сейчас приду,— ответил Туарег спокойно, не поворачивая лица к помощнику.

Его взгляд был все еще прикован к убегающей на линии горизонта желтой дали. Здесь и сейчас он был весь там, мыслями и сердцем. Перед тем, как кидать себя в жаркие объятия песков, Туарег всегда мысленно обращался к пустыне, разговаривал с ней, пытался понять ее настроение... Так учила его мать... Так делали его предки... Пустыня не терпела неуважения. И сейчас, перед лицом предстоящей схватки, он делал то, что всегда.

Туарег... Он получил это имя не по праву происхождения, а по праву силы. Заслужил его, выцарапал у судьбы.

Рожденный недостойным «дага»— полукровкой, полуизгоем в среде племени, он сумел заставить себя уважать, ценить, любить, бояться... Он не стеснялся этого самого «дага». «Кровь не вода, ее нельзя разбавить...»— говорил Туарег, когда старейшина племени запретил другим обращаться к своему самому отважному войну и наезднику этой презрительной кличкой. «Меня не оскорбляет то, что я полукровка. Это моя природа. Мне с ней жить, но... отныне вы будете называть меня «дага», вкладывая в это слово другой смысл. Не прозвище красит человека, а человек прозвище. Запомните это. И расскажите своим детям»...

— Туарег, пора,— снова отвлекший его голос со стороны, на этот раз одного из организаторов марокканского этапа гонки «Дезерт челлендж» (*англ. — вызов пустыни*).

Мужчина решительным шагом направился к своему мотоциклу, быстро надел на голову висевший на руле шлем, опустил стекло на глаза и газанул, подъезжая к старту...

Пять участников, пять отчаянных смельчаков, решивших бросить вызов не только непредсказуемому коварству барханов, но и ему, неофициальному правителю пустыни... Про загадочного Туарега, пустынного джинна с вечно закрытым покрывалом лицом, склоняли легенды. Мужчина, сумевший обуздать самую жестокую стихию в мире. Отважный потомок поводырей песчаных маршрутов, негласный король «синих людей». Стоило ему появиться в поле зрения, между

присутствовавшими пробежал раболепный шепоток. Туарег усмехнулся себе под нос. Очередные глупцы, считающие, что они способны бросить ему вызов, смогут его обставить... Каждый раз одно и то же. Ничего нового. Скучно.

Он уже давно соревновался только с самим собой. Сегодняшний день тоже не станет исключением. Зато он с удовольствием объездит свой новый мотоцикл, испытает его, опробует, достоин ли он тревожить покой великих, древних песков.

День занимался по мере того, как солнце вызревало в небе ярко—желтым яблоком, все больше и больше нагревая песок.

Сопровождавшие спортсменов притихли. Сверху жирным насекомым жужжал дрон. Моторы выстроившихся в ряд мотоциклов заревели. Раздался голос комментатора.

— На старт... Внимание... Марш...

ГЛАВА 3

– Таша, ты просто сумасшедшая,– с многозначительной усмешкой покачала головой Кейт,– ты вообще понимаешь, что будет, если твой отец узнает?

– Не узнает,– твердо ответила Иштар, собирая густые платиновые волосы в жгут,– не нагнетай обстановку и не притворяйся невинной овечкой, словно тебя что– то страшит...

Кейтлин хихикнула.

– Я и не притворяюсь, речь ведь сейчас не обо мне... Это ты у нас неприступная арабская принцесса, пай– девочка, светоч научного мира и завидная невеста... Фу, аж оскоми-ну набили все твои приторные титулы,– съязвила подружка– британка.

С Кейтлин Иштар стала близка еще во время учебы в английском колледже. Страшная и беспощадная женская вражда, война двух начал и двух лидеров, которая сразу вспыхнула между этими сильными девушками, в конечном итоге переросла во взаимное уважение, а потом и в крепкую дружбу. Кейт была родом из влиятельной семьи промышленников Йоркшира. Сделавшие свое состояние собственным трудом миллионеры, не имеющие за душой аристократических регалий, родители англичанки с радостью поощряли дружбу дочери с представительницей арабской элиты. Девушки были почти неразлучны. И пусть сейчас их разделя-

ли тысячи километров— Кейтлин работала в Нью-Йорке на Волл-Стрит, окончив Оксфорд по специальности «экономист—международник», они использовали любую возможность пообщаться и побыть вместе. Выходные в романтическом и загадочном Марокко не стали исключением.

— Не боишься рано или поздно попасться?— продолжала Кейт, потягиваясь в постели,— быстрая экстремальная езда— сомнительное хобби для такой, как ты, крошка...

Иштар допивала свой утренний терпкий кофе, сваренный в электротурке. Конечно, не так вкусно, как дома в старинной серебряной джезве, но для походных условий летучей базы ралли «Дезерт челлендж» вполне себе сносно. Иштар, хоть и привычная с детства к роскоши и удобствам, спокойно относилась в аскезе походного образа жизни— и отец к этому их с детства приучал, и мать не грешила «изнеженностью», и частая работа «в песке», как между собой, на жаргоне, называли выезды в научные экспедиции ее специалисты— коллеги, способствовали закалению ее характера.

— Хватит валяться, пойдешь, растормошишь механика, чтобы все перепроверил. А я пока напью эту чертову амуницию, а то того и гляди, кто— то меня нечаянно увидит. Вот тогда точно начнутся неприятности... Не хочется залезать в этот черный панцирь, но надо. Представляю реакцию этих глупых мужиков, если догадаются, что я женщина...

Кейт снова усмехнулась.

— Сейчас пойду. Как раз осмотрюсь хорошенько... Может

повезет— и я увижу того самого Туарега...— мечтательно откинулась на подушках,— интересно, какой он... Никто не видел его лица... Зато тело... Господи праведный, Таша, я бы его трахнула... Что за мужчина... От одного этого странного, загадочного, царапающего горло слова «Туарег» между ног простреливает...

Иштар устало выдохнула, закатив глаза.

— Кейт, может угомонишься? Ты как самец... У тебя все мысли только о сексе... Слово «Туарег»— это всего лишь представитель определенного кочевого берберского народа. Нет в этом слове ничего сексуального или экстраординарного... Может он вообще урод... Как можно вот так говорить, даже не зная человека...

— Ох, Иштар, много ты понимаешь,— шикнула в ответ подруга,— это я не представляю вообще, как ты можешь так жить... Тебе двадцать три, почти двадцать четыре— а ты даже не знаешь, как мужчина пахнет... И что у вас за культура за такая странная? Как можно в твоём возрасте оставаться нецелованной— небалованной девственницей... Ты хоть понимаешь, сколького себя лишаешь? Тебя смущает то, что я хочу Туарега, даже не видя его лица, а ничего, что ты замуж собралась за того, кого не знаешь?

— Я еще ни за кого не собралась, тебе это прекрасно известно...

— Ну, пока не собралась... А завтра соберешься... Вернее, тебя соберут... Ты ж понимаешь, с вашими арабскими замо-

рочками и условностями максимум, что тебе светит— пару раз увидеть будущего мужа на пафосных мероприятиях или семейных ужинах... А тебе с ним спать... Детей рожать... То есть задумайся... Ты два раза улыбнешься какому— то белозубому арабу, а потом сразу разденешься перед ним и раздвинешь ноги... Разве это не варварство? Да вообще, Таша, как можно связывать свою жизнь с мужчиной, если ты даже не знаешь, какой он в постели... Это как заказать десерт вслепую... А вдруг будет шоколадный мусс, а ты любишь чиз— кейк? И тебе придется всю жизнь его уплетать, не имея возможности исключить из основного меню...

— Брак, Кейтлин, не про постель... Брак— про союз силы и влияния... Вот тогда он будет крепким, взаимовыгодным... Стоит подключить к этому процессу страсть, все сразу пойдет прахом... Страсть— самый ненадежный союзник... Она заставляет разум действовать иррационально... Это как жажда в пустыне... Так что угомонись уже... Я тебе бы тоже советовала подумать на тему рационального подхода к своему семейному будущему... Ты единственная наследница... Очевидно, родители тоже хотели бы, чтобы ты распорядилась своей судьбой рассудительно и грамотно, и на пользу вашему семейному бизнесу...

— А я бы с удовольствием хоть сейчас распорядилась бы ею, если бы твой братец согласился взять меня в жены,— снова хохотнула Кейт, теперь отправляя в рот сладкую макадамию (Прим. разновидность ореха) с подноса у матраса.

Иштар усмехнулась.

– Да уж... Возможно, и взял бы, если бы ты не набросилась на него при первой возможности... Адам охотник. Он любит завоевывать добычу... А ты сама протянула ему себя на блюдечке с голубой каемочкой. Вот и пожинай плоды...

– Ох, остается только найти утешение в искусных ручищах Туарега... Он такой высокий и большой, судя по фото... Интересно, там он тоже такой большой?

– Все, Кейт, это уже не смешно,– раздраженно осекла подругу Иштар,– я просила тебя пойти найти этого олуха Мурада. Уверена, что он даже не проверял с ночи мой мотоцикл... вот уж точно тогда будет риск так риск... Если расшибу голову в этой гонке, тяжело будет скрыть от отца, что его доченька– паинька промышляет в пустыне не только изучением редких видов рептилий...

– Ладно, к делу,– подруга деловито хлопнула руками и поднялась, наконец, с постели. День предстоял крайне насыщенным и ярким... И что бы ни говорила Иштар, сегодня он закончится для Кейт далеко не в женской компании в холодной палатке лагеря...

ГЛАВА 4

Иштар сжала подрагивающими пальцами клипону[1] мотоцикла, готовя себя к выкручиванию гашетки[2]. Она хорошо знала своего железного друга. Знала его мощь, знала его особенности. Каждый мотоцикл, а тем более спортбайк— это зверь со своим характером. Не проще живого коня или верблюда. У каждого свой нрав, к каждому нужен свой подход... Время открытия газа нужно чувствовать и понимать, сколько нужно подавать горячее топливо, так, чтобы не упустить мотоцикл. Резкое открытие нагружает заднюю подвеску, разгружает переднюю вилку. Байк проседает, тем более в зыбких почвах пустыни. Новичок в такие минуты попросту вжимается в руль, каменея, упуская контроль. Истинный же пилот, а иначе и не назовешь тех, кто осмеливается оседлать такую зверюгу, какая сейчас была под Иштар, становится с железом единым целым, играет телом так, словно байк есть продолжение его конечностей...

До последнего обходившее ее стороной волнение, наконец, захватило разум и дух. Вот только это самое волнение не имело никакого отношения к страху. Адреналин, эйфория, внутренняя ярость, которые были готовы вырваться наружу, как ураган— вот что сейчас правило в ее крови. Еще мгновение— и она отдастся стихии скорости и песка, забыв обо всем. Ради этого ощущения стоило жить. Это ощущение

и было ее всем— душой, свободой, счастьем... Разве можно было его променять на какие— то другие, приземленные и тривиальные радости в виде мелких страстей человека, похоти, алчности...

Она была третьей в ряду из их пятерки. Справа— устрашающего вида, слегка полноватый, мужчина весь в красном одеянии, предоставленном одним из спонсоров мероприятия— известным спортивным брендом. «Красный вихрь»— так он назвал себя в заявленном списке конкурентов, предпочитая, как и она, сохранять свое инкогнито, в его случае, скорее всего, ради образа. За ним в ряд стояли его противоположности, как раз выступавшие под своими настоящими— европейскими— именами. Типичные спортивные наездники — поджарые, хорошо, но не вычурно экипированные. Про таких говорили «коммерческие спортсмены». Наверное, из тех, кто участвовал в соревнованиях за деньги, а в перерывах между заездами водил в пустыню туристов в качестве сопровождающих экстремальных туров. Никакого излишнего пафоса и эксцентричности. Чисто работа. Слева от нее— Туарег. Она узнала его сразу. Не только за счет роста под два метра, скорее по исходящей от него энергетике, харизме, силе, которую он в буквальном смысле источал, хоть и был облачен с ног до головы в черную экипировку без лейблов и логотипов. Эта непроницаемая темная оболочка придавала ему одновременно манящий и устрашающий вид. Иштар ощущала себя по левую руку от него словно в радиусе дей-

ствия магнитного поля... Удивительно... Невольно засмотрелась, сама не заметила, как с интересом повернула на него голову и разглядывала уже в открытую, не таясь... И он почувствовал ее взгляд. Тоже посмотрел в ответ. Даже сквозь непроницаемое стекло шлема она ощутила жар его глаз. На секунду стушевалась и даже испытала липкое прикосновение страха и растерянности к горлу... Мог ли он догадаться, почувствовать, что перед ним женщина? Тут же сама себя успокоила. Исключено. Ее серебряный наряд был пошит так, что скрывал любой намек на женские очертания фигуры, а шлем являл собой единый, слитный, скорее похожий на нечто космическое, объект. И пусть женскую аппетитную грудь с силой сжимал специальный бандаж, сдавливающий полные полушария, она готова была потерпеть ради конспирации...

Удар по перепонкам резвым голосом диктора вернул ее к реальности. «На старт, внимание, марш»... Рев движков мотоциклов заглушил гулкое сердцебиение, отдающее громкими басами внутри мозга. Иштар слилась со своим байком воедино и понеслась вперед, навстречу свободе и бесконечности, отдавая себя всецело скорости и драйву. Острые песчинки взметались ввысь под ее колесами, словно она сама была не человеком, а самумом[3], созданным тревожить священный покой великой пустыни. Девушка чувствовала их хлесткие прикосновения даже через мембрану костюма, но это сейчас волновало ее меньше всего... Все, чего она хотела

— победить... Доказать самой себе, что она не просто слабая женщина, роль которой ей была уготована и прописана с детства. Она сама стихия... Необузданная и непокорная... Пусть там, в реальном мире, она несет на себе бремя ответственности за свой род и высокое происхождение, пусть в ее настоящей жизни нет места сумасшествию и безрассудству... Во вселенной пустыни она свободна и вольна, подобно джинну... И это чувство у нее не отнимет никто и никогда... Только сама пустыня... Только ей покорится истинная Иштар...

Она не смотрела назад. Уверенно газовала вперед и вперед, меняя очертания барханов, под колесами своего байка так, как не могла менять очертания своей заранее прописанной Аллахом и собственным отцом судьбы. Непредсказуемая трасса заставляла ее то и дело взмывать по неровным вершинам вверх и тут же слетать в песчаную бездну вниз, утягивая тяжелое железо в манящие и коварные объятия зыбучих песков. Руки все сильнее сжимали руль мотоцикла, голова кружилась от свободного полета и постоянной концентрации в пространстве. Тело было одновременно напряжено и расслаблено. Сказочное, фантастическое чувство. Она видела, как двое соперников сошли с дистанции в самом начале— один не вписался в дюну, опрокинувшись. Другой съехал с маршрута, потеряв управление. Где— то позади остался и «Красный вихрь», мощность агрегата которого уступала техническим характеристикам мотоциклов других участ-

ников. Черным бельмом сбоку мелькал только Он. Услышала совсем близко рев чужого мотоцикла, направо – почти вровень с ней был Туарег. Слухи, которыми был окружен этот мужчина, легендарный песчаный наездник, умевший в равной степени искусно обращаться и с верблюдом, и с конем, и с мотоциклом, оказались правдивы. Здесь и сейчас Он действительно напоминал короля пустыни. Так органично и естественно смотрелся на своем железном коне, впору было снова залюбоваться, как на старте... Иштар очнулась от внезапно накрывшего её ступора только тогда, когда увидела его устремляющимся вперед, оставляя закашливаться позади, в клубе яростно взметнувшегося под его колесами песка. Потеряла было на секунду ориентацию, но тут же восстановила баланс и еще сильнее слилась со своим мотоциклом. Рванула вперед, выжимая газ что есть мочи, снова его догоняя. Адреналин бил по вискам. Они остались на дистанции только вдвоем, соревновались сейчас только друг с другом. Еще вираж, она совершает обманчивый бросок вправо, словно немного отступает, словно теряет ориентацию. И ей в этот момент даже кажется, что там, под своим непроницаемым шлемом, он снисходительно–победоносно хмыкает. Не тут–то было... Иштар слишком хорошо знает нрав рыхлой мягкости дюн, они ее верные подруги, они на ее стороне... Снова жмет на газ, поднимает передние колеса и буквально взлетает с вершины бархана вперед, обставляя его, оставляя позади. Дрон сверху фиксирует ее успех. Иштар успева-

ет облегченно выдохнуть, завидев заветные красные плашки на песке. Облегчение сменяется внезапно заполняющим все естество кайфом победы. Она сделала это, она победила! Она обставила самого Туарега!

Там, впереди, победителя в свои объятия ждет база, но ей нет смысла сейчас ехать туда... Меньше всего сейчас ей хочется собирать похвалы и признания. Свою победу она одержала, и еще успеет ее отпраздновать... Один на один с закатом в пустыне... Вот ее главное удовольствие и награда, вот ее триумф... Иштар не может противостоять внезапно-му порыву, невольно оборачивается на черную фигуру мужчины, сбавившего обороты и тем самым демонстрирующего признание победы соперника. Его величественный образ навсегда останется в ее памяти как составная этого сладкого безрассудства, оазиса ее жизни...

Не останавливается. Дает вправо и отъезжает подальше от базы, но тут понимает, что рядом снова все активнее нарастает рев мотора другого мотоцикла. Оглядывается. Туарег. Он не оставляет ее... Преследует. Это почему— то вызывает улыбку... Внутри зреет странное чувство, незнакомое. Чувство азарта и... чего— то еще... Впервые ей хочется посмотреть противнику в глаза без спасительного покрова шлема, подразнить... Открыть если не всю себя, то хотя бы факт того, что она девушка... Что он только что проиграл ей...

Останавливается, давая ему возможность обехать ее и

тоже остановиться. Моторы глохнут, они двое теперь остаются один на один с пустотой и тишиной пустыни. Такой безразличной и серьезной одновременно.

Иштар сама не понимает, что делает. Снимает с головы шлем, открывая ему свои глаза в прорезе балаклавы и пучок собранных наверх белых волос. Кто— то скажет, что это совсем немного, но для нее— это как шаг в обрыв... Никогда еще ее разоблачение не было так близко...

— Женщина,— то ли с улыбкой, то ли с досадой выдает Туарег. Он теперь тоже снял шлем. Тоже только в балаклаве. И она тоже видит его глаза. Прожигающие, испепеляющие. Исушивающие, как жар пустыни.

— Кто ты, женщина?— спрашивает хрипло... Этот голос тоже словно из пустыни, словно сам шепот ее барханов. Он царапает ее слух. Его английский уверенный, беглый, но не избавлен от типичного акцента жителей Севера Африки. Наверное, именно таким она его и представляла... Сама себе усмехается— зачем она вообще представляла его голос... Это все похотливая Кейт виновата. Накрутила ее... Вот же она обрадуется, узнав, что Иштар уделала героя ее отнюдь не романтических грез...

— Я, Туарег, твое поражение,— сама не понимает, как произносит это, не своим, каким— то женственно— утробным, влекущим голосом, — серебряный мираж в пустыне, который тебе никогда не постигнуть и не догнать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.